
ДУХОВНАЯ РЕИНКАРНАЦИЯ

М.А. Солопова

АРИСТОТЕЛЬ И ГИППОКРАТ О ДОЛГОТЕ И КРАТКОСТИ ЖИЗНИ (в контексте интеллектуальной истории V–IV вв. до н.э.)

Аннотация. Предметом исследования в данной статье являются первые древнегреческие тексты, в которых представлены подходы к проблеме продолжительности жизни в философии и медицине. Автор анализирует трактат Аристотеля «О долготе и краткости жизни», относящийся к серии малых естественнонаучных трактатов, т.н. *Parva naturalia*, и первый афоризм Гиппократов («Жизнь коротка, путь искусства долог», и т.д.). Афоризм Гиппократов сопоставлен с изречением софиста Протагора, который говорил о краткости человеческой жизни, аргументируя свой отказ исследовать проблему бытия/небытия богов. С целью показать новизну естественнонаучного исследования проблемы долготы и краткости жизни, осуществленного Аристотелем, автор статьи рассматривает суждения Платона по этому же вопросу, основанные на его учениях о бессмертии души и периодах круговращения космоса. В статье использованы традиционные для научного антиковедческого исследования методы: историко-философский, историко-культурный и языковой анализ оригинальных текстов, прочтение, содержательное истолкование и сравнительное сопоставление источников. В работе впервые сопоставлены и проанализированы высказывания о долготе и краткости жизни Протагора, Гиппократов, Платона и Аристотеля. Показано своеобразие подходов к проблеме долголетия, зафиксированное в текстах четырёх авторов. Особое внимание уделено анализу трактата «О долготе и краткости жизни» Аристотеля как первому научному исследованию данной проблемы, рассмотрена аргументация Аристотеля, логические априоры, а также общие и особенные причины, которые устанавливает Аристотель в ходе своего исследования долголетия животных и растений.

Ключевые слова: Аристотель, Гиппократ, Платон, Душа, Жизнь, Долголетие, Краткость жизни, Болезнь, Животные, Растения.

Abstract. The subject of the research is the original ancient Greek writing that represented approaches of Greek researchers to the problem of longevity and brevity of life in philosophy and medicine. In her research Solopova analyzes Aristotle's treatise 'On Longevity and Brevity of Life', one of the series of minor natural-scientific treatises (so-called *Parva naturalia*) and the first aphorism of Hippocrates ('Ars longa, vita brevis', etc.). Hippocrates' aphorism is compared to the saying of a sophist Protagoras who talked about the brevity of human life explaining his refusal to study the problem of gods' existence/non-existence. In order to demonstrate the novelty of Aristotle's natural-scientific analysis of life's longevity and brevity, the author of the article analyzes Plato's thoughts on the matter based on his teachings about the immortal soul and periods of cosmos circulation. In the course of her research Solopova has applied methods that are traditionally used in ancient times studies: historical-philosophical, historical-cultural and linguistic analysis of original texts, reading, conceptual interpretation and comparative analysis of sources. For the first time in the academic literature the author compares and analyzes Protagoras', Hippocrates', Plato's and Aristotle's expressions and sayings about longevity and brevity of life. The author demonstrates how unique approach of each philosopher to the problem of longevity was. Special attention is paid to the analysis of Aristotle's treatise 'On Longevity and Brevity of Life' as the first research of the problem. The author analyzes arguments offered by Aristotle, logical aporias and general and specific reasons of long life of plants and animals described by Aristotle.

Key words: longevity, life, soul, Plato, brevity of life, Hippocrates, Aristotle, disease, animals, plants.

Введение

Аристотель и Гиппократ были авторами первых в истории античной философии текстов, в которых

ставился вопрос о продолжительности жизни. Гиппократ (460-377) известен как автор афоризма: «Жизнь коротка, путь искусства долог, удобный случай скороприходящ, опыт обманчив, суждение трудно», и т.д.

Аристотель (384-322 до н.э.) был автором трактата «О долготе и краткости жизни» – первого специального исследования данного вопроса в Античности.

Тексты Гиппократов и Аристотеля заметно различаются по жанру, – настолько, что может возникнуть сомнение, уместно ли их сопоставление. С одной стороны, лаконичный афоризм, с другой – трактат, последовательно излагающий проблему. Мы обратимся к афоризму Гиппократов как к источнику, отражающему определённое понимание проблемы долготы и краткости жизни, причём понимание это сложилось в ранний период, предшествующий творчеству Аристотеля. Как известно, корпус Гиппократов представляет собой собрание сочинений врачей круга Гиппократов, преимущественно Косской школы, и лишь несколько из этих сочинений написаны действительно Гиппократом. Коллективный характер творчества античных медиков даёт нам повод использовать общий контекст медицинского понимания проблемы краткости жизни в ту эпоху, обратившись к одному из небольших фрагментов сочинения Гиппократов, признаваемого подлинным.

Трудно переоценить притягательность вопроса о продолжительности жизни. В самом деле, эта тема относится к числу тех, которые интересуют без преувеличения всех. Продолжительность жизни, долгий век жизни или век короткий – от чего это зависит? Что делать, чтобы прожить дольше? Эти вопросы волновали людей издавна, и за многие века были предложены различные подходы к теме, к пониманию того, о чём идёт речь. Размышления над этими вопросами впоследствии стали полноправной частью не одной, а нескольких наук. Даже сейчас мы можем видеть, что вопросы о долголетии в своё проблемное поле включают разные научные дисциплины. Чаще всего эта тема интересует медицину, биологию, биоэтику в связи с пониманием вопросов о болезни и здоровье, правильном питании, диете, здоровом образе жизни, физиологии, биохимии организма и возрастной психологии. Надо признать: это имеет небольшое отношение к теме трактата Аристотеля. Трактат Аристотеля только с известной натяжкой можно отнести даже к источникам по истории философской антропологии, – потому что человек интересует Аристотеля не в большей степени, чем другие живые существа. Исследование проблем долголетия, если попытаться восстановить всё, что было сказано об этом в античности, могло бы состояться на пересечении многих наук и научных направлений, от медицины и метафизики до биологии, этики и теологии. Но в V-IV вв. названные научные дисциплины только формировались, и неудивительно, что вопрос о долголетии и

продолжительности жизни обсуждался вне границ определенной науки.

Естественные и сверхъестественные причины продолжительности жизни

Определим, что можно сказать общим в подходе Аристотеля и Гиппократов в отношении нашей темы. Оба автора не нуждаются в гипотезе о богах и сверхъестественном в своём размышлении о причинах долгого или короткого жизненного срока. Эта позиция не прямо отрицает, но как бы выносит за скобки основного рассуждения известную каждому греку обсуждаемого периода оппозицию: бессмертные – смертные, т.е.: боги и люди. В классической греческой литературе и философии тема краткости человеческой жизни, несовершенства человеческой природы присутствовала в сравнении с могуществом богов и их вечной жизнью (вечной молодостью). Боги не знают смерти и даже иногда даруют бессмертие избранным людям. В чём причина долголетия Ганимеда? Или Геракла? Причина их долголетия, а вернее сказать, бессмертия, – в божественном вмешательстве в естественный порядок вещей. Юношу Ганимеда взял на небеса Зевс, и Ганимед стал виночерпием, разливавшим божественный нектар на пирах богов. По-видимому, вкушая сам этот нектар, он и обрёл бессмертие. Сын Зевса и смертной женщины герой Геракл был взят на небо после тяжких испытаний в течение долгой жизни, но причина его долголетия и неуязвимости – молоко богини Геры, которое он вкусил во младенчестве. Причина же бессмертия – всё тот же божественный напиток, который Геракл смог выпить после вознесения на Олимп из пламени своего погребального костра. Отметим, что причиной бессмертия смертных людей и героев оказывается не одна воля богов, но в дополнение к ней особая пища. Можно предположить, это чудодейственное питание изменяет саму телесную природу, но разъяснения того, каким образом это возможно, нигде нет и его трудно требовать от мифологического рассказа. Причина бессмертия самих олимпийских богов, в общепринятом к IV в. до н.э. представлении данного сюжета, заключалась также в особом питании – нектаре, напитке, который боги пили на пирах на вершине Олимпа. В этом смысле популярная на протяжении веков интерпретация проблемы долголетия и бессмертия через обсуждение особой диеты и особого рациона питания (включающего иногда малосъедобные ингредиенты) укоренена в самой седой древности и является отправным пунктом для понимания долголетия в последующей истории.

Если не сравнивать век человека и вечность бессмертных богов, а также не принимать во внимание возможное участие олимпийских богов в продлении и сокращении срока жизни отдельных избранных смертных, то акцент в размышлении о долголетию человека необходимо смещается на естественные причины. К ним относится, во-первых, телесное здоровье. Во-вторых, можно отметить удачу, случай как причины возможного преждевременного прекращения жизни или необычной продолжительности. В некоторых случаях причиной долголетия (но не краткости жизни) является чудесный многолетний сон. Самый известный случай – «сон Эпименида», проспавшего пятьдесят семь лет (D.L. I, 109–115) [10, с. 88–90]. В итоге Эпименид прожил, по сообщениям разных источников, то ли сто пятьдесят семь лет, то ли сто пятьдесят четыре, то ли невероятные «триста лет без года» (D.L. I, 111). Конечно, 157 лет и 154 года свидетельствуют о не менее удивительном долголетию, но все же в этих датах можно усмотреть некоторое рациональное основание. Так, 157 лет возникли, очевидно, как сумма 100 и 57: сто лет как круглая цифра максимально длинной жизни и пятьдесят семь лет, проведённых Эпименидом во сне, которые как бы выпали из естественного порядка вещей. Описание случаев пробуждения от многолетнего сна сопровождается сообщениями о приобретении проснувшимся пророческих способностей. Критянин Эпименид во время сна узнал от богов об устройении всего космоса, и после пробуждения написал свою «Теогонию». Поэтому данная причина, известная древним грекам, может быть названа естественной не без оговорок. На этом основные причины как долголетия, так и краткости жизни, отмеченные в ранних источниках, пожалуй, можно считать исчерпанными.

Хорошее здоровье и болезни – наиболее очевидные причины того, почему одни люди живут дольше других. Эти причины очевидны прежде всего для врачей. Можно сказать, что до Аристотеля врачи вообще были единственными, кого в силу профессиональных занятий интересовал данный вопрос. Между тем философская традиция до Аристотеля насчитывала уже более двухсот лет. Платона этот вопрос интересовал очень мало. И вот почему.

Платон: долголетие, смысл жизни и обратный ход времени

Долголетие могло стать предметом исследования только тех мыслителей, кто признавал за временем земной жизни положительную ценность. Не во всех философских школах это мнение разделя-

ли. Платон и пифагорейцы полагали, что в земной жизни душа страдает, находится в теле как темнице и могиле и благо для неё – освободиться от тела и вернуться к чистому бестелесному существованию. Отсюда понятно, что размышлять о причинах того, почему одни живут долго, а другие недолго, в рамках такого философского учения о душе было задачей незначительной. С точки зрения основоположений приходится определиться: или долголетие – или бессмертие. Кстати говоря, любая самая длинная жизнь по сравнению с вечностью (бессмертием) будет короткой. Назовём этот подход к долголетию и вообще к продолжительности жизни метафизическим, он связан и с определённым пониманием души, и пониманием общего устройства Вселенной.

Согласно Платону, душа не умирает вместе с телом, когда наступает «так называемая смерть» («Федон», 95d4) [13, с. 54] – она переселяется в другое тело и проживает новую жизнь, после неё – переселяется в новое тело, и так далее. Продолжительность земной жизни бессмертной души, погруженной в череду метемпсихоза, представляет гораздо меньший интерес, чем смысл жизни, её цель и содержание. Долго или мало жить более или менее безразлично, но во имя спасения души важно как можно интенсивнее заниматься очищением души, а это значит – заниматься философией. И так, для платонического учения, исходящего из представления о бессмертии души, постановка вопроса о долголетию и краткости жизни в смысле поиска причин того и другого оказалась в целом на периферии внимания. Платон вместо рассуждений о продолжительности жизни делает акцент на смысле жизни, на её содержательности. На страницах его сочинений появляются выражения, содержащие оценку жизни как достойной или недостойной того, чтобы жить, достойной, чтобы определённый образ жизни «выбрать». Таково, в частности, выражение *bios ou biôtos anthropoi*, «жизнь, не стоящая того, чтобы её прожить», никчемная жизнь, не достойная человека («Апология Сократа», 38a5–6) [11, с. 92]. Стоит или не стоит жить для чего-то – вот как ставится вопрос, а не как долго жить. Человека как существа обладающего разумом-логосом достойна жизнь, направленная на познание, а не на низшие функции тела. В одном месте Платон даже сравнивает человека и моллюска, рассуждая, какой жизнью стоит жить человеку (см. «Филеб», 21c7: «и жил бы ты жизнью не человека, но какого-то моллюска или других морских животных, тела которых заключены в раковины» [14, с. 19]), в другом – со свиньей, находя всё более провоцирующие сравнения для того, чтобы подчеркнуть: человек

должен стремиться жить жизнью разумной, быть философом. Понятно, что это ракурс рассмотрения, протекающий из фундаментального учения о душе и человеке.

В дополнение к рассуждениям о достойной жизни в духе увещаний к занятиям философией у Платона имеется до крайности оригинальная «космологическая» интерпретация долголетия, связанная с фундаментальными представлениями о природе всей Вселенной. В диалоге «Политик» (269d–274e) излагается миф о круговращении космоса под управлением «отца, творца и царя» и теория космических катастроф [12, с. 18-24]. В частности, в мифе повествуется, как Вселенная периодически вращается то в одну, то в другую сторону (для земного наблюдателя это вращение небосвода от востока к западу и от запада к востоку). Эти движения соответствуют непосредственному царскому (божественному) управлению Вселенной и автономному движению космоса, предоставленного самому себе. В периоды самоуправления космоса все живые существа «испытывают множество удивительного, необычного и нового» (270d2) [12, с. 20], ибо время поворачивает вспять. Привычное течение жизни в направлении «рождение – рост – молодость – старение – смерть» сначала останавливается и вдруг прекращается всякое изменение: никто из смертных не взрослеет и не стареет. Вскоре начинается обратный процесс: день ото дня старики начинают молодеть, их седые волосы чернеют, щеки бородатых мужей становятся гладкими как в пору нежной юности, а юноши превращаются в малых детей [12, с. 20]. Непрерывно днём и ночью происходят эти изменения, пока возраст рождённых не сравняется с возрастом новорожденных, – и Платон подчёркивает, что это состояние относится и к их душе, и к их телу. Что же дальше? Полное исчезновение. Становится невозможен ни процесс развития и последующего естественного старения живых организмов, ни их порождение друг от друга. Уничтожаются даже умершие тела. Поскольку эти периоды заканчиваются, и божественный демиург вновь начинает заботиться о космосе, то начинается новый большой цикл круговращения, где согласно законам природы за рождением следует молодость, зрелость, старость и естественная смерть. Но первые живые существа в новом цикле рождаются из земли, а не от друг от друга. Более того, Платон предполагает, что и мёртвые должны ожить и восстать из земли: «Из того, что старческая природа переходит в природу младенческую, следует, что и мёртвые, лежащие в земле, снова восстанут из неё и оживут, следуя перемене пошедшего вспять рождения и возникая по необходимости как землерож-

денное племя» [12, с. 20]. Платон использует здесь выражение *tropos tês geneleos synanakykloymenês eis tanantia* (271b7), что в процитированном выше русском переводе С.Я. Шейнман-Топштейн передано как «перемена пошедшего вспять рождения», однако точнее – возникновение (*tropos tês geneleos* – способ, направление возникновения), циклично возвращающееся обратно (*synanakykloymenês*) в противоположное (*eis tanantia*).

Таким образом, бывает момент, когда долголетие и краткость жизни в начале сменившегося цикла выглядят величайшим парадоксом: рождённые в старческом возрасте из земли сразу должны «вновь умереть», а едва не исчезнувшие помолодевшие старцы начинают заново расти, мужать и стареть, и таким образом проживают вдвойне долгую жизнь. Но причиной этого не бывает ни особенное питание, ни могучее здоровье, ни случайное везение, а божественный закон развития Вселенной.

Мы не будем особенно удивлены тому, что Аристотель в своём естественнонаучном трактате, посвящённом долготе и краткости жизни, оставил эти сенсационные идеи Платона вовсе без внимания.

Гиппократ: краткость жизни врача и пациента

О краткости жизни говорится в небольшом и самом известном изречении Гиппократа: «Жизнь коротка, путь искусства долог, удобный случай скоропребоя, опыт обманчив, суждение трудно. Поэтому не только сам врач должен употреблять в дело всё, что необходимо, но и больной, и окружающие, и все внешние обстоятельства должны способствовать врачу в его деятельности» [7, с. 695].

Это один из самых ранних сохранившихся текстов, в котором высказано некое суждение о краткости жизни («биос») – *brakhys bios*. Когда Аристотель напишет свой трактат «О долготе и краткости жизни», в нём будет использована та же терминология, зафиксированная в первом афоризме, а именно: *brakhys bios*, «брахиюбиотес» (*brakhybiotês* – краткость, скоротечность жизни), и долголетие, «макробиотес», *makrobiotês*. Впоследствии эти термины в названии отдельных сочинений встретятся лишь через несколько веков у историка-парадоксографа Флегонта из Тралл (2 в. н.э.), написавшего сочинение «О долгожителях» (*Peri makrobiôn*), и в трактате римского стоика Луция Аннея Сенеки «О скоротечности жизни» (*лат. De brevitae vitae*).

Что в тексте афоризма Гиппократа для нас представляет интерес? Гиппократ имеет в виду,

очевидно, время человеческой жизни. Он как врач всегда говорит о человеческих болезнях и здоровье. Однако это будет вовсе не так у Аристотеля. В его цикле естественнонаучных трактатов человек рассматривается как одно из живых существ в ряду всех прочих, и почти никогда не имеет преимущества как предмет исследования. Важно, что Гиппократ делает выводы из признания жизни короткой (не только врача, но и пациента), тем самым превращая всем известный наблюдаемый факт в проблему.

Гиппократ не говорит о долготе и краткости жизни, но фактически только о краткости: у него краткость жизни сопоставлена с долготой искусства («технэ»), – что в данном контексте означает медицину, а не какое-либо иное искусство. Долгота жизни богов как возможное измерение темы Гиппократом не обозначена ни здесь, ни в других сочинениях, дошедших под его именем. Он не говорит об этом даже в порядке отрицания участия богов в возникновении заболеваний.

Между тем, о краткости человеческой жизни в сопоставлении с несоизмеримой долготой жизни бессмертных богов в греческой философии впервые высказался незадолго до Гиппократа его старший современник – софист Протагор из Абдер (485-415). Он использовал краткость человеческой жизни как аргумент для отказа от суждения о богах. Гиппократ мог знать о его признанной атеистической книге «О богах», за которую в 411 г. Протагор был осуждён. Первая фраза, которой начинается книга, – единственное, что мы знаем о содержании этого текста: «О богах я не могу знать, существуют они или не существуют, и каков их облик, ибо многое препятствует такому познанию: и неясность предмета, и жизнь человеческая коротка (και brakhus ên ho bios tou anthrôpou)» (DK 80 B 4 = D.L. IX 51) [2, с. 264], [10, с. 348]].

Таким образом, в двух до-аристотелевских афористических высказываниях тема краткости человеческой жизни появляется в связи с мыслью о том, что человеку трудно (не хватает времени) овладеть какой-то наукой, определённым сложным знанием. Протагор констатирует несоизмеримость человека и бога и отказывается от притязаний на познание богов. Гиппократ говорит о трудности изучения искусства медицины. Здесь мы можем наблюдать различные практические выводы: врач, как бы ни было ему трудно, не может отказаться от изучения искусства (как Протагор отказался от познания дел божественных в пользу человеческих). Врач должен скорее начинать лечить, а не вечно учиться своему искусству.

Отметим, что само выражение «краткость жизни» можно понимать в двух смыслах: жизнь человека коротка относительно чего-то (искусства – у Гиппократа, бытия богов – у Протагора, который присоединяется здесь лишь к общему топосу), и жизнь коротка безотносительно, – в том смысле, что она само по себе быстро проходит. Любая самая долгая жизнь может быть в этом смысле названа короткой, поскольку быстро приходит к своему завершению, быстро сменяя все этапы возрастов от детства к старости.

Традиционно считается, что свой афоризм Гиппократ обращает к врачам, и в данном высказывании говорится о краткости жизни врача (подробнее о толкованиях этого афоризма Гиппократа см.: [15, с. 5–25]). Некоторые авторитетные старые комментаторы видели в двух словах о «краткости жизни» определенное послание Гиппократа молодым коллегам. Гален Пергамский в комментарии на «Афоризмы» суммирует известные точки зрения и называет три основных интерпретации: 1) эти слова *побуждают* к продолжению занятиями медициной (раз жизнь коротка – не следует терять время даром), 2) предостерегают и *отворачивают* от занятий медициной (какой смысл ею заниматься, если не хватает жизни все как следует выучить), и 3) *испытывают* молодёжь (не испугаются ли начинающие врачи трудностей). Приведём фрагмент из комментария Галена: «Почему Гиппократ в начале книги написал, что жизнь коротка относительно величины искусства? Некоторые толкуют в том смысле, что он хотел побудить тех, кто овладевает этим искусством к достойному продолжению своих занятий, другие – что он хотел отвлечь от искусства, третьи – что он сказал это не поощрения или предостережения ради, но ради некоего испытания и распознавания, кто из начавших занятия искусством медицины достоин его, а кто нет» [3, р. 348].

Почему искусство названо Гиппократом «длинным»? Комментаторы толковали эти слова в том смысле, что долго «его искать, долго учиться, долго совершенствоваться в его частях. В самом деле, как может один человек и отыскать всё, и выучить, и достичь совершенства? [6, р. 247] Ссылались даже на слова самого Гиппократа, который сказал, что и он не достиг пределов искусства, хоть и состарился. Где у Гиппократа сказано, что он состарился, не достигнув вершин мастерства, установить не представляется возможным, – это произведение не сохранилось, если оно было. Возможно, однако, что мы имеем дело со следами старинной традиции считать «Афоризмы» книгой, написанной Гиппократом в старости, в конце его долгой жизни и карьеры.

Нельзя не учитывать, что коротка и жизнь пациента, которого лечит врач. Пока врач думает, каким образом лучше лечить, пациент может скончаться. Свидетельствами краткости жизни пациента переполнены страницы многих трактатов Гиппократовского корпуса. Показательны с этой точки зрения «Эпидемии», где содержатся истории болезней десятков пациентов. Воображение читателей всегда поражало большое количество летальных исходов, педантично описанных на страницах этого сочинения. Эти описания свидетельствуют, что скоротечность болезни пациента зачастую не позволяют врачу применить своё искусство, а только наблюдать и зафиксировать смерть: «В Лариссе лысый человек внезапно почувствовал боль в правом бедре; никакое из прописанных ему лекарств не помогало; 1-й день: острая лихорадка характера жгучей; держал себя спокойно; боли продолжались. На 2-й день боли хотя уменьшились, но лихорадка усилилась; у больного было тягостное состояние; он не спал; холодные конечности; выделил в большом количестве мочу, которая не была хороша. На 3-й день боль бедра прекратилась, но появилось расстройство рассудка, волнение и большое беспокойство. На 4-й день около середины дня он умер. Острая болезнь» (Epidem. III, 3, 17) [9, с. 382]. В сочинении «Прогностика» скоротечные причины краткости жизни пациента сведены к двум – врач не успевает прийти и врач приходит, не успев вылечить: «Но так как люди умирают одни прежде, чем пригласят врача, по причине силы болезни, а другие вскоре после приглашения – одни проживши один день, другие несколько дольше, – прежде чем врач благодаря своему искусству мог бы воспротивиться каждой болезни, то должно врачу узнать природу таких страданий, именно, насколько они свыше телесных сил» (Progn. 1, 10-15) [8, с. 309]. Краткость жизни пациента, таким образом, стоит в прямой зависимости от краткости срока лечения, о котором в первом афоризме было сказано «удобный случай скоропребывающ». Удобный момент для оказания своевременной помощи со стороны врача весьма ограничен и тем, насколько быстро сам врач способен поставить диагноз, и тем, насколько своевременно больной обратился к нему за помощью. Последнее обстоятельство и может интерпретироваться как помощь со стороны самого больного врачу, ибо если пациент вовремя не обратится с жалобами на своё состояние, то позднее врач ничем не сможет ему помочь.

Во всяком случае, толкование слов о «краткости жизни» как краткости жизни пациента имеет право на существование в качестве дополнительного оттенка смысла. И именно поэтому во второй

части своего афоризма («поэтому не только врач должен делать всё необходимое») Гиппократ призывает врача и пациента к взаимодействию для успеха лечения. Из краткости человеческой жизни делается вывод об определённой этике поведения, о сотрудничестве врача и пациента во имя успеха лечения. Сам этот успех и будет означать более долгую жизнь.

Можно сказать, подводя итог, что подход к теме продолжительности жизни у Гиппократа имеет определённые ограничения: это разговор не просто о краткости жизни человека, но человека, включённого в профессионально-врачебные отношения.

Аристотель о долготе жизни животных и растений

Аристотель впервые в истории написал специальное сочинение, посвящённое теме продолжительности жизни. Трактат «О долготе и краткости жизни» входит в цикл малых естественнонаучных сочинений, называемых традиционно «Parva naturalia». Входящие в цикл трактаты являются дополнением к большому трактату «О душе», три книги которого не вместили обсуждение всех проблем учения о душе и одушевленном теле. Более подробно разбираются такие вопросы, как механизм чувственного восприятия, память, сны, долгота и краткость жизни, дыхание. Трактат «О долготе и краткости жизни» является одним из заключительных в цикле, располагаясь между группой трактатов о снах и сновидениях и трактатами о жизни и смерти, юности, старости и дыхании. Таким образом, им начинается раздел, в котором рассмотрены преимущественно биологические аспекты жизни, связанные также и с функциями растительной души, в то время как в предшествующих трактатах «Parva naturalia» рассматривались проблемы, связанные с деятельностью души чувственно воспринимающей.

В отличие от Гиппократа, имевшего в виду краткость жизни человека, которому случилось быть врачом (или пациентом), Аристотель говорит о продолжительности жизни всех животных и растений. Человека автор трактата не ставит в преимущественное положение как предмет исследования. Этот ход с самых первых строк трактата, где формулируются апории исследования, приводит читателя к пониманию того, что болезни не могут быть причиной краткости жизни, а хорошее здоровье – её долготы. Между тем весь предыдущий опыт обращения к данной теме приучил нас именно к этому.

Аристотель: апории о продолжительности жизни

В начале трактата Аристотель указывает на две трудности (апории), возникающие в ходе поиска причин долготы и краткости жизни. Несмотря на то, что в этом небольшом трактате нет авторских экскурсов в историю вопроса или критики неверных мнений, само указание на исходные апории свидетельствует, что Аристотель не первым приступает к данной теме и ему известны другие мнения. Первая апория связана с пониманием универсальности причин: можно ли объяснить долголетие и краткость жизни одной причиной для всех живых существ, как животных, так и растений? И те и другие ведь живут кто дольше, кто меньше (*De longitudine et brevitate vitae*, 1, 464b22–26) [1, р. 394]. Как мы увидим, одной универсальной причины долголетия животных и растений Аристотель не находит, но одну общую причину краткости жизни, понимаемой как конечность жизни, он указать готов. Вторая апория касается здоровья и болезней. Являются ли они причинами долгой и короткой жизни? Если они причины, то всегда тот, кто здоров, проживет (по природе) дольше, а тот, кто болен – меньше. Но Аристотель сам допускает возможность того, что некоторые болезни не препятствуют больным прожить долгую жизнь (1, 464b26–30) [1, р. 394]. Это относится и к животным, и к растениям, и к людям. Значит, есть такие болезни, которые неизбежно сокращают жизнь, а есть такие, которые позволяют жить с ними и потихоньку лечиться всю жизнь. Отсюда можно сделать вывод, что заболевания не являются причинами краткости жизни, но только сопутствующими факторами. А причина должна заключаться в чём-то другом.

Но есть и ещё более важное соображение, чем то, что причиной краткости жизни могут быть не все болезни, а лишь некоторые. Болезни вовсе не являются причиной краткости жизни некоторых видов растений и насекомых, живущих считанные дни. Их жизнь коротка по природе, а не по причине какого-либо заболевания. Следовательно, болезнь и здоровье не могут быть причинами краткости жизни или её долготы. В чём же тогда Аристотель находит причину?

Причины краткости жизни

Аристотель рассматривает проблему краткости жизни в связи с учением об элементах и пониманием бренности всякого тела в подлунном мире. Разрушимо всё, что имеет сложную природу и состоит из первоэлементов (к ним относятся земля,

вода, воздух и огонь), а таковы все живые природные тела. Смерти нет только в надлунном мире, в царстве пятого элемента – эфира.

Но не вечны и сами четыре элемента, состоящие из парных первичных качеств (сухого и влажного, горячего и холодного). Эти противоположные качества могут превращаться друг в друга и таким образом давать начало процессам возникновения и уничтожения. В итоге мы приходим к пониманию, почему всё смертно и почему жизнь коротка. Но почему у одних смертных она всё же бывает длиннее?

Аристотель обсуждает несколько факторов, которые могли бы быть причинами долголетия: 1) большая величина (кто крупнее, тот и проживет дольше); для животных – 2) обладание кровью и 3) сухопутный образ жизни, 4) водная среда обитания, 5) принадлежность к классу растений. Для каждой из этих причин Аристотель находит контр-примеры, и ему не удаётся выделить некий общий класс животных-долгожителей, поскольку признак «долгожительства» не присущ всем представителям класса. То оказывается, что морские моллюски живут мало, то не все растения долговечны, то крупные животные, например, лошади, живут меньше, чем уступающие им величиной, например, люди, и т.п.

Аристотель тем не менее пытается вывести какое-то правило из наблюдаемых фактов. Он утверждает, что самые известные долгожители встречаются именно среди растений, и приводит в качестве примера финиковую пальму. А среди животных животные, обладающие кровеносной системой, живут дольше бескровных, а сухопутные – водных. Выходит, что некоторые сухопутные животные с кровью должны жить долго. Примерами у Аристотеля являются человек и слон. В целом для такого рода животных (нам было бы привычнее сказать «млекопитающие») больший размер является не причиной, но сопутствующим признаком, которая имеет важное значение.

Дело в том, что из четырёх фундаментальных качеств (влажное, сухое, горячее и холодное) Аристотель считает влажное и горячее более важными для жизнедеятельности, поэтому видит в соотношении и качествах этих двух составляющих причины долготы жизни. Когда тело стареет, оно охлаждается и становится суше, чему препятствует увлажнение. Таким образом, чтобы дольше не стареть, важно поддерживать баланс теплоты и влаги в организме. Основу же влаги и теплоты составляет у животных с кровью – кровь, у остальных – её аналог. Чтобы не засыхать или не замерзать слишком быстро, влаги не должно быть мало и она не должна быть «водяниста». Так, водные животные

живут меньше сухопутных, потому что они холоднокровны и их кровь «водяниста», содержит меньше жира, по сравнению с кровью теплокровных животных, холоднее и быстрее разрушается.

Важнейший фактор для жизни – питание, с которым поступает и необходимая влага, и теплота. Согласно Аристотелю, в каждом живом существе, поскольку оно живо и в нём происходят процессы переваривания пищи, заключена «природная теплота» (5, 466b32). Эта внутренняя теплота первая «переваривает» поступившую извне пищу, преобразуя её в форму, доступную для усвоения органами тела. Такой последней пищей является кровь. Другим связанным с пищеварением фактором, влияющим на долголетие, является способность организма выводить из себя шлаки, ненужные отходы жизнедеятельности. Это необходимый процесс пищеварения, но и шире – всякого телесного взаимопревращения, когда взаимодействие происходит не полностью и остаётся нечто «лишнее».

Также Аристотель не упускает из вида, что и образ жизни может сокращать или удлинять жизнь, но эта причина действует более индивидуально. Так, самцы по природе должны жить дольше самок, поскольку они по природе крупнее и более горячи, однако на самом деле живут меньше, поскольку им приходится больше трудиться, а кроме того, в том случае, если они будут в течение жизни слишком любвеобильны, то от потери семени будут ослаблять себя и сокращать свой срок жизни.

Причины долголетия растений

Заключительную главу трактата Аристотель посвящает растениям и причинам их долголетия. Сказанное о влаге, тепле и величине справедливо и для них. Он указывает, что некоторые растения (а именно деревья) оказываются живущими дольше, чем даже долгожители-животные, потому что имеют способность к постоянному обновлению. При этом содержащаяся в деревьях влага (сок) обладает способствующими долголетию качествами: она «неводянистая», «маслянистая» и «клейкая», что не даёт растениям быстро замерзнуть и высохнуть. Этому же способствует и кора деревьев. Чем растение крупнее, тем, соответственно, оно лучше со-

хранит влагу и тепло, – большая величина поэтому указывает на долго живущее растение. Растения, как и все живые организмы, обладают внутренним «природным теплом», однако из-за особенностей строения и питания, основное тепло они получают с пищей и от Солнца, поэтому для них важны климатические условия. По этой логике, в теплых странах растения проживут дольше.

Главный секрет долголетия деревьев заключается в том, что они способны к постоянному обновлению в процессе своего роста: у них отрастают новые побеги, в то время как старые отмирают (6, 467a12–14) [1, р. 406]. Растения обладают уникальной способностью к регенерации в случае разрезания на части. Аристотель указывает на сходство между деревьями и насекомыми, которые также могут жить после разделения на несколько частей. Однако насекомые не способны к полноценной регенерации органов и едва могут выжить после разделения, а размножаться и вовсе не способны. Напротив, поскольку в растениях жизненная сила распределена более равномерно, они благополучно формируют полноценное растение, ведь у них корень и стебель «потенциально имеются повсюду» (6, 467a23) [1, р. 408].

Таким образом, Аристотель как учёный-естествоиспытатель продолжил размышления своих предшественников о том, что значит долгая жизнь, и что значит жизнь короткая. Основываясь на многочисленных эмпирических фактах, он попытался найти наиболее общие причины для долготы и краткости жизни, позволяющие понять и феномены долголетия животных, и феномены долголетия растений. Для людей указанные Аристотелем причины биологической продолжительности жизни также вполне справедливы: будучи представителями класса «сухопутных животных с кровью», люди от природы способны жить дольше большинства животных. Если же сравнивать их друг с другом, то люди могут прожить дольше или меньше в зависимости от среды обитания, климата, питания, образа жизни. Несомненно, образ жизни – та составляющая проблемы о долготе и краткости человеческой жизни, которую Аристотель оставил открытой для других разделов философского знания, в первую очередь, для своей практической философии.

Список литературы:

1. Aristoteles. On length and shortness of life // Aristotle. On the soul. Parva naturalia. On breath / With an English translation by W.S. Hett. Cambridge; London: Harvard university press, 2000. P. 394-409.
2. Die Fragmente der Vorsokratiker / Ed. H. Diels, W. Kranz. 6 Aufl. Bd. 2. Berlin: Weidmann, 1952 (repr. Dublin; Zurich, 1966).
3. Galenus. In Hippocratis Aphorismos Commentarii vii / Ed. C.G. Kühn // Claudii Galeni Opera omnia. Vol. XVIIb. Leipzig, 1829 (repr. Hildesheim, 1965).

- Hippocrates. Aphorismi / Ed. E. Littre // Oeuvres Completes d'Hippocrate. Vol. 4. Amsterdam: Adolf M. Hakkert, 1962. P. 458-608.
- Platonis opera / Edited by J. Burnet. Vol. 1. Oxford: Clarendon Press, 1900 (repr. 1967).
- [Theophilus Protospatharius. Damascius. Stephanus Atheniensis]. Commentarii in Hippocratis aphorismos / Ed. F.R. Dietz // Scholia in Hippocratem et Galenum. Vol. 2. Scholia in Aphorismos. Amsterdam: Hakkert, 1966. P. 236, 238-240, 244-544.
- Гиппократ. Афоризмы // Гиппократ. Избранные книги / Пер. В.И. Руднева. М.: Сварог, 1994. С. 691-735.
- Гиппократ. Прогностика // Гиппократ. Избранные книги / Пер. В.И. Руднева. М.: Сварог, 1994. С. 307-328.
- Гиппократ. Эпидемии // Гиппократ. Избранные книги / Пер. В.И. Руднева. М.: Сварог. 1994. С. 329-391.
- Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Пер. М.Л. Гаспарова. 2-е изд. М.: Мысль, 1986. 571 с.
- Платон. Апология Сократа / Пер. М.С. Соловьёва // Платон. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. С. 70-96.
- Платон. Федон / Пер. С.П. Маркиша // Платон. Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1993. С. 7-80.
- Платон. Филеб / Пер. Н.В. Самсонова // Платон. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1994. С. 7-78.
- Платон. Политик / Пер. С.Я. Шейнман-Топштейн // Платон. Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1994. С. 3-70.
- Солопова М.А. Vita brevis: К толкованию первого афоризма Гиппократа // Философский журнал. 2012. № 1 (8). С. 5-25.

References (transliterated):

- Aristoteles. On length and shortness of life // Aristotle. On the soul. Parva naturalia. On breath / With an English translation by W.S. Hett. Cambridge; London: Harvard university press, 2000. P. 394-409.
- Die Fragmente der Vorsokratiker / Ed. H. Diels, W. Kranz. 6 Aufl. Bd. 2. Berlin: Weidmann, 1952 (repr. Dublin; Zurich, 1966).
- Galenus. In Hippocratis Aphorismos Commentarii vii / Ed. C.G. Kühn // Claudii Galeni Opera omnia. Vol. XVIIb. Leipzig, 1829 (repr. Hildesheim, 1965).
- Hippocrates. Aphorismi / Ed. E. Littre // Oeuvres Completes d'Hippocrate. Vol. 4. Amsterdam: Adolf M. Hakkert, 1962. P. 458-608.
- Platonis opera / Edited by J. Burnet. Vol. 1. Oxford: Clarendon Press, 1900 (repr. 1967).
- [Theophilus Protospatharius. Damascius. Stephanus Atheniensis]. Commentarii in Hippocratis aphorismos / Ed. F.R. Dietz // Scholia in Hippocratem et Galenum. Vol. 2. Scholia in Aphorismos. Amsterdam: Hakkert, 1966. P. 236, 238-240, 244-544.
- Gippokrat. Aforizmy // Gippokrat. Izbrannye knigi / Per. V.I. Rudneva. M.: Svarog, 1994. S. 691-735.
- Gippokrat. Prognostika // Gippokrat. Izbrannye knigi / Per. V.I. Rudneva. M.: Svarog, 1994. S. 307-328.
- Gippokrat. Epidemii // Gippokrat. Izbrannye knigi / Per. V.I. Rudneva. M.: Svarog. 1994. S. 329-391.
- Diogen Laertsii. O zhizni, ucheniyakh i izrecheniyakh znamenitykh filosofov / Per. M.L. Gasparova. 2-e izd. M.: Mysl', 1986. 571 s.
- Platon. Apologiya Sokrata / Per. M.S. Solov'eva // Platon. Sobr. soch.: v 4 t. T. 1. M.: Mysl', 1990. S. 70-96.
- Platon. Fedon / Per. S.P. Markisha // Platon. Sobr. soch.: v 4 t. T. 2. M.: Mysl', 1993. S. 7-80.
- Platon. Fileb / Per. N.V. Samsonova // Platon. Sobr. soch.: v 4 t. T. 3. M.: Mysl', 1994. S. 7-78.
- Platon. Politik / Per. S.Ya. Sheinman-Topshtein // Platon. Sobr. soch.: v 4 t. T. 4. M.: Mysl', S. 3-70.
- Solopova M.A. Vita brevis: K tolkovaniyu pervogo aforizma Gippokrata // Filosofskii zhurnal. 2012. № 1 (8). S. 5-25.